

Я чувствую, как у меня отнимают город. Я – Адептус Астартес. Сентиментальность ничего не значит для полубога. Смерть – это путь жизни. Смерти жителей Империиума не влияют на ангелов Императора. Мы спасаем столько, сколько можем, как здесь, на мире-кладбище. Мужчины погибают, но Империиум преодолевает. Я все больше теряю контроль над городом, как мастер в регициде. Однако есть разница между чувством поражения и осознанием поражения. Я достаточно повоевал, чтобы знать, что меня победили. Мое сердце бьется во имя Императора. Я никогда не сложу оружие. Я никогда не сдамся. Пока я жив, я буду забирать жизни моих врагов. Мой дух не сломить. Все, что я знаю – разница между стратегическим успехом и тактическим проигрышем, и я проиграл.

Я вижу это сейчас, сражаясь плечом к плечу со своими братьями Сдирателями. Теперь я вижу, как Злобикост захватывает планету за планетой, и что будет после вторжения – до кордона Ванакхейм и за ним. На всем пути через сегментум Соляр и основные системы, прямо до древней, ничего не подозревающей Терры. Ничего не подозревающей, потому что они не знают то, что знаю я. Они недооценят комету Килер и ее странную способность обращать жителей друг против друга, создавая подкрепления еще до высадки. То, что они увидят – вернувшегося странника, и только я знаю, что это – ворота в Хаос. Они не будут вызывать подкрепления, пока не будет поздно. Они падут, потому что недооценят количество воинов Злобикоста и переоценят свои силы. Они попытаются противостоять, как и я, потому что это то, для чего рождены воины. Они будут ошеломлены, как и я, скоростью Злобикоста и его аппетитом к уничтожению. Они не смогут представить, что есть сила, способная уничтожить мир за один день, заполнив всю планету еретиками, отступниками и демонами. Наконец, когда избранные Кровавого Бога, легионеры-предатели, начнут падать с небес, они поймут, как сильно они ошибались, и увидят тот ужас, который неизбежно испытают и другие.

Мы зажаты в ловушке. Отступление означает то, что все остальные сектора пали, как и мой. Похоронная Гвардия вырезана, и многие из моих братьев пали. Палатина Сапфира и несколько ее сестер – все, что осталось от ее Сестринства. Многие сервы Ордена погибли, осталась лишь горстка, включая и моих слуг. Но Сдиратели выживают. Сыны Дорны, сражающиеся на пределе своих возможностей и заставившие врага заплатить кровью за каждый свой шаг. Оставшиеся ангелы пятой роты, сдерживающие бесчисленные количества. Братья сражаются спиной к спине, прикрывая друг друга и зная, что здесь, среди галерей, потерн и в тени мемориала Умберто Второму, они найдут свою смерть.

Мы можем справиться даже с армией культистов, но Хаос обрушил на нас своих монстров, демонических созданий, против которых даже наше оружие имеет свои ограничения. И сейчас, когда Злобикост вынудил нас отступить к улицам и узким аллеям Обсеки, мы понимаем, что лишь отсрочили неизбежность. Силы быстрого реагирования завершат эту бойню. Завершат ее быстро. Пожиратели Миров. Теперь я понимаю, что мы обречены.

- Что теперь? – Скейс пытается перекрыть шум битвы.

Воздух наполнился кланьем цепного оружия, включая и мое, брат Боаз и плеть отделения Йоахим используют последние несколько гранат. Двери монастыря открыты, но какофония ударяется о его стены и рикошетит в нас. У нас нет информации от контингентов на северо-западе. Вторая плеть Этам и братья Лемуил и Цурион были прикреплены к контингенту сестер в квартале Святой Горгонии, и они получали сведения от скаутов Кетураха. Уже час от них не было никаких вестей, и, похоже, наибольшее скопления десантных капсул наблюдалось в

дальней части города.

- Мавзолей! – кричу я в ответ, но мои слова заглушает шипение тяжелого огнемета сестры Кассиопеи.

Добропорядочная сестра делает работу Императора, эффективно используя свое оружие на узких улочках города. Пламя поглощает аллеи и проходы под арками, встречающиеся на нашем пути, отбрасывая бессчетные орды культистов, жадных до нашей крови. Огонь сдирает кожу с их лиц и превращает в трупы, танцующие в пламени inferно. Сапфира и сестра Зилла уничтожают всех тварей варпа, пробивающихся сквозь пламя, пока Вефезда, поддерживая раненного брата, отстреливает культистов, карабкающихся на крышу.

- Что? – переспрашивает Скейс, отбивая гладиусом цепной меч Пожирателя Миров.

- Ближний бой! – кричит брат Симеон, отбрасывая в сторону опустевший болтер. Один из бронированных слуг Кровавого Бога падает от последнего выстрела, второй тут же набрасывается на Симеона с секирой. Выскочив из ножен, гладиус моего боевого брата отбивается цепным оружием десантника Хаоса. Последние несколько болтов, выпущенные из моего Марка Два, выигрывают Симеону несколько мгновений. Мои снаряды попадают в наплечник и шлем предателя, лишая его баланса.

- Крыша монастыря! – ору я. – Это – самое безопасное место для эвакуации.

Брат Элиам умирает ужасной смертью, прямо передо мной: уродливые секиры нескольких Пожирателей Миров разрубают его на части. С кровью моего брата на лице я ударяю рукоятью пистолета в лицевую пластину ближайшего берсеркера, но предатель отбивает ее тупой частью своей секиры. Я разворачиваюсь. Делая это, я открепляю с пояса цепной меч. Прочертив дугу, мой меч разрубил Пожирателя от пупка до горла.

- Нова не сможет поднять «Перчатку», - настаивает Скейс, его гладиус пробивает оборону цепного меча и врезается в шею маньяка.

Пока он проворачивает клинок в горле берсеркера, хватка десантника Хаоса слабеет, и меч падает на землю.

- И все-таки, это лучший выбор, - кричу я, пока мой меч сталкивается с секирой очередного берсеркера Кхорна. – Толстые стены, плюс сестра Сапфира утверждает, что ворота сделаны из адамантиевого сплава.

Ублюдки Ангрона среди нас. Пожиратели Миров наводняют монастырь, словно волки, сбежавшиеся на запах нашей верности. Болты не останавливают их. Как и гранаты. Они наступают нам на глотки, переступая через трупы своих братьев. Каждый маньяк получает по несколько тяжелых ранений от лоялистов. Но все, что они слышат и видят – это боль и их жертвы. Они не чувствуют... ничего. Им недостаточно чувства долга. Они живут ради битвы, но

она не может полностью удовлетворить их. Они хотят нашей крови. Они хотят наши черепа, чтобы принести их в жертву своим богам, и ничто не может остановить их на пути к этой цели.

Плеть отделения Йоахим сражается за свою жизнь, с гладиусом в обеих перчатках и с Пожирателями Миров на флангах. Один из предателей отмечен своим безжалостным богом костяной дубиной, торчащей из руки. Он делает взмах, целясь в Сдирателя, но случайно задевает своего собрата. Десантник Хаоса оборачивается к нему, и мгновение спустя, берсеркеры дерутся друг с другом. Но еще через мгновение еще один сын Ангрона бросается на плеть отделения, размахивая зазубренным клинком. Я чувствую, что момент настал. Я чувствую, как город ускользает от меня, словно фигура в регициде, которую столкнули со стола кулаком. Тяжелый огнемет. Я слышу его шипение и пыхтение. Меня вряд ли можно этим удивить. Сестра Кассиопея подожарила легион солдат-рабов на их пути к монастырю. Когда огнемет замолчал, сестра освободилась от лямок и сняла оружие. Мы все ощущаем недостаток тяжелого вооружения, начало конца. Аллеи пылают, культисты Кровавого Бога бегут сквозь инферно, высоко поднимая клинки. Получая ожоги и волдыри, солдаты-рабы Кхорна проводят обреченный штурм. Палатина и ее сестры уничтожают убийц безжалостным огнем, но пока горят одни тела, другие беспрепятственно проходят сквозь пламя. Кроваво-красные демоны Губительного пантеона быстро проносятся сквозь стену огня. Они выглядят почти также, как и та тварь, с которой я столкнулся у Обелиска, но отличия все же есть. Они пригибаются и бросаются на сестер, словно саранча, потроша и коля Адептус Сороритас своими сверхъестественными, выкованными в аду, клинками. Вспышки света и рев болт пистолетов Сапфиры, заставляют монстров держаться от нее подальше. Одна из тварей наносит удары под разными углами. Болты врезаются в кончики рогов, когти и копыта, но это не останавливает тварь, раз за разом бросающуюся на сестру.

Неожиданно, рядом со входом в монастырь, пролетел сгусток потрескивающей энергии. Молния прошла сквозь нескольких солдат-рабов, выпавших на боковую аллею. Смертные взорвались, превратившись в фонтаны крови. Серебряная арка энергии варпа попала в низшего демона, нависшего над сестрой битвы, и отшвырнула его в дальнюю стену. Демон пытался когтями уничтожить заряд энергии, но вскоре и сам превратился кровавый туман.

Эпистолярый Мелмох и капеллан Шадрат ринулись к монастырю. Мелмох не улыбается. Он выглядит уставшим – впалые глаза, в которых читается бремя его таланта. Он держит свою силовую косу обеими руками, выпуская еще один сгусток энергии в демонов, копошащихся в останках мертвых Адептус Сороритас. Вторая плеть Азарет – позади них. Сдиратель расстреливает аколитов хаоса одиночными выстрелами из болтера. Нацелив свою последнюю гранату, вторая плеть кидает ее прямо в толпу своих преследователей. Аллея превращается в кучи обрушившихся обломков и раскуроченного рокрита.

Мое сердце радуется при виде трех Сдирателей, но этих подкреплений недостаточно, чтобы спасти нас. Все больше орущих Пожирателей Миров заполняют монастырь, их наплечники сталкиваются друг с другом в попытке мясников добраться первыми до своих жертв. Я выбираю себе цели и аккуратно провожу маневры. Мой цепной меч наносит отрывистые и колющие удары, рубит и кромсает. Пожиратели Миров лишь на мгновение привлекают мое внимание. Достаточно для того, чтобы зубцы моего клинка отбили их собственный и отрубили перчатку или кисть, или проделали дыру в груди предателей.

На какой-то момент я представляю весь ужас, творившийся перед стенами Императорского

Дворца, резню, устроенную Пожирателями Миров и отнявшую множество жизни. Несколько моих оппонентов рухнули на пол. У меня нет даже нескольких секунд, чтобы добить их, и, прежде чем я успел развернуться еще к одному десантнику Хаоса, его брат-берсеркер – снова на ногах.

Адское месиво заставило нас отступить. Скейс и я обнаружили, что прижаты спина к спине. Мы отбиваем множество клинков, пытающихся разрубить или пробить нашу броню. Я чувствую, как цепная секира врезается в пластину моей брони. Другое, не видимое мне, оружие бьет по моему наплечнику, раскалывая керамит, но не доставая до плоти. Передо мной возникает серв Амос, спешащий к своему поверженному господину, брату Симеону. Огромный чемпион Пожирателей Миров ставит ботинок на грудь Симеона и выдергивает свою секиру. Я вижу, как Амоса разрубают оружием, изголодавшимся по душам праведников.

Две половинки тела Амоса упали на пол, окрасив броню появившегося Шадрата. Держа крозиус арканум, словно религиозную икону, он отталкивает исполина и отбивает его проклятое оружие в сторону. На какое-то мгновение в глазах Пожирателя Миров промелькнула неуверенность – характерная черта, которую я наблюдал у своих противников. Неожиданно, секиру взмывает вверх и несется на Шадрата. Капеллан отбивает ее крозиусом, который источает духовное свечение, и обрушивает священный артефакт на броню предателя. Пожиратели Миров продолжают заполнять монастырь, каждый последующий еще злее предыдущего. Я слышу звон цепных мечей, отдающийся эхом от галереи позади, возвещая о прибытии еще большего количества предателей, жаждущих искромсать то, что осталось от нас. Сверхъестественные силы эпистолярия Мелмоха продолжают вносить весомый вклад в нашу оборону, но и они не безграничны – я ощущаю его истощение. Молнии держат меньших демонов на расстоянии, бешенные монстры нависли над палатиной Сапфирой с ее печатями веры, оскорблявшие их черные души. Сапфира израсходовала все силы и едва сможет подняться, но Мелмох продолжает сражаться за ее страдающее тело. Его коса рассекает пространство перед ним, заряженное психической энергией, оружие отбивает адские клинки и отрубает конечности демонов.

Брат Нова находится в самом центре хаоса. Адептус Астартес гордо держит стяг роты, являясь живой провокацией для дегенератов из Пожирателей Миров, прорубающих себе путь в монастырь. Нова сжимает болт-пистолет в другой руке и, на данный момент, является единственным Сдирателем, у которого все еще остались патроны. Пожиратели наступают на Нову, выкрикивая свои безумные клятвы и размахивая секирами. Вторая плеть Азарет повержен под напором клинков, отрубленные конечности Сдирателя взлетают в воздух. Нова всаживает несколько болтов в десантников Хаоса, но стяг, словно магнит, притягивает к нему все больше маньяков. Пожиратели Миров бегут навстречу убийственному огню Сдирателя.

Это – резня. Не знаю, о чем я только думал. Рубка вокруг меня – все, за чем пришел Злобость на Цертус-Минур. Быстрое и кровавое уничтожение врагов Кровавого Бога. Этот мир погибнет за один день. Пламя на аллеях потухло, и культисты, удерживавшиеся им, устремились за нашими черепами. За ними следуют рептилиеподобные адские гончие. Твари шипят и скалятся, их медные когти царапают булыжники, когда они бегут к нам. Группа монстров рассредоточивается вокруг монастыря. Они впиваются в наш керамит, виснут на ногах и руках. Две твари бросаются на брата Боаза, заставляя Сдирателя сделать взмах мечом. Лезвие проходит вдоль рогов и уродливой морды одной из них. Вторую защитил усеянный шипами ошейник. Гладиус отскакивает от него, и Сдиратель платит за это своей жизнью –

поверженный Пожиратель Миров вскакивает на ноги. Я кричу, но, не успев повернуться, Сдиратель лишается головы.

Ярость растет внутри меня. Я чувствую тьму в моей душе. Моя злость и сожаление подпитывают ее. Бессловесный вопрос охватывает мое существо, словно соприкосновение двух клинков. Предложение. Темная сделка. Мощь моих врагов, с которой сложно тягаться. Бесстрашные, бездумные инстинкты хищника со всей кровавой мощью и неуязвимостью взамен на мое поражение. Не перед врагом, жаждущим моей крови, моих навыков и моего меча, а перед моей яростью. Я вижу Пожирателей Миров, бывших ангелов Императора, заключивших эту сделку. Я уважаю их мощь и уверенность. Я вижу как их клинки разрубают сверхлюдей, находящихся под моим командованием и задаюсь вопросом, что мог бы сделать я с этой яростью. Могу ли я, Кнут, изменить ход битвы? Мой гнев и желание отомстить за братьев превращается в оружие. Мое тело – сгусток металла, и оно способно выдержать все, что обрушит на меня враг. Мой разум – инструмент возмездия. Моя рука – палач божественной воли...

Цепная секира прожужжала над моей головой. Кровь. Возможно, я потерял ухо. Пожиратель Миров с механической клешней наносит удар по моей голове. Я отвожу удар, но хват берсеркера останавливает зубцы моего меча. Клешня врезается в оружие, превращая его в месиво. Я бросаю оружие и выхватываю гладиус. Я вращаю клинок в левой перчатке и обрушиваю его на клешню. Лезвие отбивает ее в сторону. Секира Пожирателя снова несется ко мне. Клешня. Секира. Клешня. Секира. Каждый раз гладиус отбивает их в сторону. Я знаю, что могу убить этого монстра. Я вижу его смерть. Я знаю, что ярость поможет мне быстро справиться с этой машиной. Со всеми ними. Я в шаге от проклятия, и я осознаю это. Крик заставляет меня вернуться в реальность.

Краем глаза я вижу Вefесду. Орен лежит на полу, две демонические гончие пируют его плотью. Третий тащит Вefесду, схватив ее зубами за лодыжку. Мое темное желание убить Пожирателя Миров становится еще сильнее. Каким-то образом я противостою ему. Вместо того, чтобы пронзить дегенерата, я врезаюсь плечом в грудь предателя. Мой локоть сталкивается с его шлемом, я делаю захват его металлической клешни и делаю бросок через плечо. Он падает на булыжники.

Я вижу кричащую Вefезду, ее тело тащат по луже крови, а глаза умоляюще смотрят на меня. Без боеприпасов и меча, есть только одна вещь, которую я могу сделать. Я нащупываю плетъ на своем поясе. Как и моя броня, она пропиталась кровью. Я щелкаю хлыстом, но кончик не достает до руки Вefезды. Это не должно удивлять меня. «Очиститель» не является оружием Адептус Астартес. Серв делает рывок и хватается за кончик плети своими бледными пальцами. Она визжит, дергаясь в агонии, пока я пытаюсь притянуть ее к себе. Гончая глубже вгрызается в ногу серва и упирается когтями в каменный пол.

Я чувствую давление на мою ногу. Опустив взгляд вниз, я вижу клешню Пожирателя Миров у моей лодыжки. Бионические лезвия клешни сомкнулись на моей броне, и я чувствую, как они пытаются добраться до моей плоти. Крутанув гладиус в левой руке, я обрушиваю его на плечо десантника Хаоса. Вонзив кончик лезвия между клешней и пропитанной варпом плотью ангела, я расшатываю меч взад-вперед, разрывая кабеля и гидравлику. Когда клешня отпускает меня, я ставлю ногу на шлем предателя. Шлем деформируется, и что-то хрустит. Я надеюсь, что это – шея предателя. Я стягиваю плетъ, но демоны все сильнее вгрызаются в

тоненькие ножки Везеды. Они тянут ее, и мои ботинки начинают скользить по каменному полу. Везеда снова вскрикивает. Покрытая кровью плоть начинает выскальзывать из моих пальцев.

- Мелмох! – кричу я.

Тело палатины Сапфиры разрывает ураган когтей вестников крови. Эпистолярый не видит этого, так как окружен культистами и солдатами-рабами, которых он разрубает своей силовой косой, словно потрошитель. Псайкер замечает меня и мою борьбу с адскими гончими. Он направляет наконечник косы на тварь и выпускает силовой шторм прямо на гончих. Его некогда доброе лицо теперь представляет из себя маску истощенности, отчаяния и ярости.

Невозможно, но уничтожающая волна не оказывает никакого эффекта на монстров. Вбешенный, библиарый посылает очередной разряд энергии, в виде молнии, но он также не наносит им вреда. Шипастые ошейники гончих мерцают неестественной энергией, скорее всего защищая их от психического воздействия Мелмоха. Плоть выскальзывает у меня из рук, и демоны утаскивают извивающегося серва на узкую аллею.

Ужасная какофония битвы нарастает. Скейс, капеллан Шадрат и я делаем все возможное, чтобы предотвратить шторм из силовых секир и болтерного огня предателей, превращая нас в истинных братьев. Мелмох делает несколько взмахов своим лезвием, разрубая торсы культистов и их демоническую плоть. Нова отбрасывает опустевший болтер, и его гладиус присоединяется к нашим, ротный стяг гордо развивается над нами. Только плоть отделения Йоахим в одиночестве сражается в центре битвы, противостоя трем Пожирателям Миров с единственным оставшимся у него мечом. Волна отвращения к исчадиям из потустороннего проходит сквозь мое тело. У входа в амбулаторию возникает еще одна морда. Огромная рука хватается за кирпичный угол помещения. Мускулистые пальцы демона превращаются в металлические когти, а тыльная часть ладони преображается богохульными рунами и символами. Кисть обмотана тяжелой цепью, конец которой волочится по земле. Морда принадлежит высшему демону, чей возраст старше чем понятие «убийство», а сама сущность – уродливее, чем вечность греха. Плоть твари пропитана яростью, ноздри раздуты, из пасти торчат клыки. Я чувствую его разрушительную мощь, его глаза горят огнем ненависти. В горниле битвы я даже не замечаю далекие раскаты грома, рокочущие каждый раз, когда исполин делает шаг. Огромная ладонь тянется к Йоахиму, пальцы обхватывают тело, руки и оружие Сдирателя. Демон с легкостью сжимает кулак. Йоахим хрипит. Его ранец и броня начинают деформироваться, плоть и кровь ангела превращается в смесь неопишущего ужаса. Естество внутри меня начинает умирать. Похоже, все закончится здесь. Мы противостоям океану культистов, нас режут на части предатели из Пожирателей Миров, демоны впиваются нам в кости, а ужасное подобие Кровавого Бога смотрит на нас с животным удовлетворением. Но, неожиданно, стена сзади меня взрывается.

Острые осколки древнего кирпича, камня и извести, разлетаются по всей зале монастыря. Оставшаяся часть стены обваливается, являя звездам интерьер хранилища. Давя мусор и обломки на отполированном полу, к нам выкатывается «Каратель». Четверенные стволы пушки типа «Громобой» выпустили разрушительный снаряд. Во время начального этапа штурма «Каратель» стойко оборонял свою часть периметра. Данкред установил пушку на гусеничную платформу и добавил самозарядную систему, после чего «Каратель» смог самостоятельно оборонять свой пост. Не обращающий внимание на убегающих жителей мира-

кладбища, умирающих гвардейцев и ужас, творящийся вокруг, машина выбирала цели, согласно простой схеме – размер и близость к зоне поражения. «Громобой» преодолел ужас штурма линии обороны демонами варпа и смог сдерживать атаки противника на восточный участок укрепления.

Не получив никаких новых команд в связи со смертью техnodесантника Данкреда, «Каратель» неподвижно и бесшумно стоял на страже восточного участка укрепления. Данкред оснастил дух машины пушки модус-контингентом, включая протокол «охотиться и уничтожать», который активировался в случае прорыва обороны. Пока периметр держался, «Каратель» просто ждал, тихий и незаметный для защитников, переоборудовавших укрепление в преддверие высадки Злобюкоста. Похоронная Гвардия, сестры битвы и Сдиратели думали, что пушка перестала функционировать, словно верный пес, убитый горем из-за смерти хозяина.

С появлением вражеских целей на восточном крае периметра, «Каратель» вернулся к жизни. Пока Злобюкост уничтожал баррикады, в том числе и те, где затаился «Каратель», пушка запустилась согласно протоколу «охотиться и убивать» и стала уничтожать противника на небольших улицах и узких аллеях мира-кладбища.

Когда пыль рассеялась, перед дулом оружия возникли новые цели. Еретики. Демонические сущности. Вражеские Адептус Астартеc. Огромная сущность варпа, попытавшаяся прорваться в монастырь привлекла внимание «Карателя». Взрывной снаряд попал прямо в морду твари, как и следующие несколько выстрелов, прежде чем машина откатилась назад, на безопасное расстояние. Меньшие твари попытались добраться до пушки, но «Каратель» остановил их лавиной снарядов, превратив демонов в обугленные куски плоти. Пушка целилась в основания близлежащих зданий, чтобы экономично замедлять продвижение еретиков. Старая стена монастыря рухнула, погребя под собой еретиков и блокировав вход, который машина сразу же идентифицировала как тактически значимую цель. Вражеские Адептус Астартеc бросились на «Карателя», но пушка различила только небольшое огнестрельное оружие и холодное оружие ближнего боя. «Громобой» послал очередь в сторону наступавшего контингента, разорвав броню врага и разбросав тела за пределы монастыря.

Штурм вносил корректировки в расчеты духа-машины, и стволы «Карателя» снова и снова находили цели в виде вражеских Адептус Астартеc, которые, несмотря на потерю конечностей, все равно пытались добраться до пушки.

«Громобой» расстреливал монастырь, превращая камень в крошку. Несколько Адептус Астартеc в цветах Ордена сражались на лестничной площадке в здании, в которое только что въехала боевая машина. Подтвердив маркировку на наплечных пластинах и принадлежность воинов к командной роте Сдирателей, пушка решила занять оборонительную позицию и провести ритуалы, необходимые для активации протокола «охотиться и уничтожать».

- Что-нибудь от падре Гнарлса? – спросила командор «Апотеона» Хисс.

Она сидела на краю своего трона, ее тонкие руки сформировали пирамиду, упершись в нос и рот. Мичман Рандт поднес к уху вокс-передатчик и отрицательно покачал головой. На мостике воцарилась тишина. Энцины угрюмо уставились на поручни кафедры, вслушиваясь в звуки

убийства и хаоса в дальнем конце корабля. Даже сервиторы прекратили печатать свои лингва-технисы. Лампы то потухали, то снова загорались, на пикт-экранах царил статика. На иллюминаторе виднелись паутинообразные трещины – недавняя попытка тарана.

- Последние доклады сообщали о прибытии абордажных команд на всех палубах, - произнес Рандт. – После этого – тишина.

- Орудийные батареи?

- Все орудийные команды отправлены на отражение абордажа.

- Инженариум?

- Инженер и его помощники забаррикадировали вход. Они подтверждают критические повреждения основных двигателей вследствие саботажа.

- Что у нас осталось?

- Системы жизнеобеспечения, пока, - проинформировал командора мичман. – Вокс-передатчики, ауспики и целеуказатели – все еще работают. Ограниченная маневренность в районе стыковочных двигателей, ну и конечно лэнс-пушка... Но все зависит от команды инженариума.

Хисс медленно кивнула.

Одинокое оборонительное судно хорошо справилось со своей задачей, приняв бой с превосходящими силами Злобокоста. Лэнс-пушка «Апотеона» повредила немало транспортников Злобокоста, фрегатов Адептус Астартес и демонических судов, а также рейдеров класса «Безбожник». Им также удалось нанести некоторый урон другим типам судов усиленным носом корабля. Крупные суда и баржи предательский Астартес не отвечали «Апотеону». Ни один истинный слуга Злобокоста не опозорит Кровавого Бога предательским огнем пушек с дальнего расстояния. Практически весь флот Хаоса теперь находился на низкой экваториальной орбите, рядом с Цертус-Минор, извергая содержимое переполненных трюмов и палуб. Нескольким небольшим кораблям, пиратским марадерам и штурмовым шлюпкам удалось приблизиться к защитному монитору. Крюки и гарпуны разорвали корпус судна, впусив внутрь убийц-каннибалов. Хисс подпрыгнула, когда шпангоут командной палубы содрогнулся от удара. Они ожидали его, и все же удар заставил ее сердце подпрыгнуть. Ранее командор приказала запечатать шпангоут и выставить двух членов команды безопасности флота у дверей. Сейчас это казалось бесполезным. Оба бойца, облаченные в защитные костюмы отшатнулись от удара. Абордажные команды достигли мостика, и это могло означать одно – они закончили резню и прорвались сквозь заслон заградительных команд.

Шпангоут был спроектирован так, чтобы препятствовать образованию вакуума в случае прорыва корпуса, поэтому мог выдержать удары кулаков, прикладов ружей и

импровизированной арматуры мародеров- каннибалов. Глаза членов команды были прикованы к металлической двери. Всех, кроме мичмана Рандта. Он смотрел в ауспик «Апотеона» в сторону поврежденного носа. Несколько мгновений он не мог произнести ни слова.

- Командор...

Хисс повернулась к мичману, а затем уставилась в ту же сторону, куда смотрел Рандт. Она вскочила с трона.

-Ч-что это? – пробормотала она.

Остальные развернулись и устремили взгляд в космос.

Нос судна медленно разворачивался от кремового изгиба мира-кладбища к темноте пустоты космоса, где комета следовала своим неестественным курсом. По кровавому пятну хвоста кометы можно было говорить о значительном изменении ее направления и параболическом развороте вблизи планеты. Как и колоссальный флот, следовавший за кометой, это выглядело ужасающе. Но за плавившейся поверхностью кровавого ледяного айсберга, хребтами и металлом, угадывалось кое-что, еще более ужасное. Огромное судно. Крупнее чем те, которые Хисс приходилось видеть во времена Ультрагеддона, Кипра Мунди и Порт Моу. Глаза всех членов экипажа с ужасом наблюдали за парящим левиафаном, позабыв о критической ситуации, в которой они находились.

- Размеры...

Мичман сверился с данными.

- Приблизительно шестьсот семьдесят квадратных километров.

Хисс покачала головой. Оно было больше, чем комета, больше, чем карликовые луны Цертус-Минор.

- Что это? – изумленно пробормотал Рандт. – Скиталец?

- Громадина! – воскликнула командор.

Рандт воспользовался ланцетом на левом борту, чтобы лучше рассмотреть судно в деталях.

Помимо огромного размера, архитектура судна поражала до глубины души. Огромные ланцеты, арки и порты наблюдения, выполненные из витражного стекла. Чистые линии готического дизайна и детали: муллионы, веерные своды, своды, квадрифолии и ленточные окна. Пустотные и эфирные шпили, выпирающие из огромных залов, кафедрексов и

монастырских строений, усеявших пространство между сенсорией, вытянутыми стволами пушек дальнего радиуса действия, нова-пушками и проседающими плазменными канонадами. Могучие орудия, как и гигантские спирали двигателя типа «Скатрикс», усеянные строениями и установками, давно позабытыми Империем. Исполина словно разделяли четыре солнечных панели из блестящего адаманта, представляя собой необычный дизайн двух имперских аквил – одна в другой. Четыре бронированных крыла. Четыре спирали двигателя. Всеобъемлющее величие готического монастыря. Четыре слепленные орлиные головы, между которыми располагалось еще более угрожающее орудие, рычащая пасть огромной канала запуска торпед.

- Ближе... - приказала Хисс, и экран увеличил изображение до максимума.

При приближении готическое очарование сменилось пробивающими до дрожи руинами.

Казалось, судно полностью обесточено: черные стекла, высокие темные арки и пустые ланцетные порты. Судно не было освещено лампами или строб-импульсами, не были видны и капсулы, шатлы и баржи. Холодный камень и металл массивной конструкции казался необыкновенным на расстоянии, но при приближении выглядел обточенным и пугающим. Во многих местах виднелись трещины, как результат эфирной эрозии. Поверхность солнечных батарей была обшарпанной, а сам адамант и детали крыльев казались еще более древними. Местами казалось, что целостность структуры поддерживается наростами варпсидия и скоплениями имматериума, распространившимися по корпусу монастыря, словно рак. Судно могло бы совсем слиться с пустотой космоса, если бы не призрачное, золотистое сияние, окутавшее поверхность древнего исполина.

- Подкрепления Хаоса? – наконец произнес Рандт.

Хисс усмехнулась над самой мыслью, что Злобосту требуется подкрепление.

- Похоже на судно Адептус Астарес. Монастырь или звездная крепость, - ответила она. – Какие либо сигнатуры, коды идентификации, название, черт побери?

Мичман взглянул в монокуляр. Он сверил показатели с ближайшим когитатором.

- Ничего, - ответил Рандт. – Оно не подходит не под одно описание. По всем имеющимся данным оно – не существует.

Интенсивность ударов по переборочным дверям нарастала по мере заполнения коридора рейдерами-кхорнитами. Челюсть одного из сервиторов неожиданно пришла в движение, издав поток кодов. Рандт подошел к рунному монитору.

- Есть силовая сигнатура, - крикнул мичман. – Оно заряжает торпеды.

Командор откинулась на спинку своего командного трона.

- Подготовить реактивные двигатели к маневру уклонения.

- Есть, командор.

- Зарядить ланс-пушку и открыть ответный огонь.

- Есть.

Мостик наблюдал за звездной крепостью, когда глазницы огромных голов аквилы озарились светом. Темные орбиты огромных строений были винтами могучего торпедного аппарата, они ярко мерцали, когда призрачное сияние боеголовки вырвалось из основного орудия звездной крепости. Хисс наблюдала, как призрачная торпеда несется прямо к Цертус-Минор. Когда она отделилась от монастыря, командор заметила, как призрачное сияние торпеды превратилось в ореол плазменной мощи.

- Вы это видели? – произнес Рандт.

Хисс молча кивнула, ее сердце замерло, когда призрачное сияние превратилось в нечто материально, и это нечто представляло собой ракету, несущуюся к комете.

- Бог-Император... - пробормотала она.

Комета Килер, пересекавшая галактику многие века и замеченная в просторах Империи десять тысяч лет назад, взорвалась. Вспышка от удара торпеды затмила неестественную форму объекта губительных сил, а затем разрушительная сила взрыва расщепила его на миллиард астральных осколков. Через несколько мгновений комета исчезла, сменившись градом кроваво-черных ледяных осколков, огромных валунов и кусков редких металлов, несущихся к поверхности Цертус-Минор на скорости болта, выпущенного из болтера. Силой измененная форма кометы еще раз изменила направление, столкнувшись с силой притяжения планеты.

Хисс и Рандт с ужасом взирали друг на друга. Все забыли о жаждущих плоти марадерах. Никто из них не переживет надвигающийся армагеддон.

- Врубай двигатели! – крикнула Хисс.

«Апотеон» не обладал сильными маневренными качествами, но командор собиралась по полной использовать все возможности корабля, чтобы предотвратить попадание осколков в его корпус.

- Вражеские суда отступают, - отрапортовал Рандт.

Хисс удовлетворенно вздохнула. Капитаны пиратов, чьи рейдеры и бронированные фрегаты сражались с «Апотеоном», не собирались погибать от надвигавшегося шторма и теперь делали все возможное, чтобы убратся с его пути. Флоту Злобюкоста, расположенного на низкой орбите, повезет меньше. В отличие от мародеров они не увидят приближающуюся угрозу. Убийцы, заполонившие залитые кровью палубы «Апотеона» были брошены своими капитанами, но продолжали упорно пытаться вломиться на мостик. Отморозки не откажут себе в последнем ужине и воссоединении с их темным повелителем. И когда они прорвутся на мостик, начнется резня.

- Рандт, - позвала Хисс.

- Командор? – отозвался мичман, его голос дрожал.

- Свяжись с Адептус Астартес.

- Сдиратели не отвечают на наши запросы, - ответил Рандт.

Хисс могла представить причину.

- Свяжись с кем-нибудь. Сдиратели должны знать, что здесь происходит.

Умбрагг Бронзовая Плоть охотился, словно животное в одиноком лабиринте амбулаторий и узких аллей, окутавших город-кладбище. Словно хищник из джунглей, когтистый дьявол в ночи или мифический волк Фенриса, он выслеживал обреченные жертвы по крови. Он чувствовал, как его кожа на покрытых кровью мускулах натягивается. Как его огромные бицепсы, широченные плечи и твердая, как рокрит, грудь упираются в броню Пожирателей Миров. Он ощущал благословение Кровавого Бога – куски бронзы, вшитые в его сверхчеловеческое тело словно полоски сала. Наполовину плоть, наполовину – кусок бронзы, Умбрагг хорошо служил своему господину.

С его бандой, Клизмой, чемпион Пожирателей Миров сражался на тысячи миров, убивал как людей, так и пришельцев во имя резни, принося славу Кхорну в крестовых походах, убийстве последователей Темного Принца удовольствий и собиранием бесчисленного количества черепов. Он убивал на стороне Рокового Отродья, кромсал с Скарбрандом и уничтожал своих же вместе с Кхарном Предателем, а также сражался во всех черных крестовых походах, вселяя страх в слабые сердца жителей Империи. Он служил своему демоническому отцу, Ангрону, во время Верховенства Огня, на разорванном войной Армагеддоне и перед воротами Императорского Дворца на обреченной Терре. Теперь он служил Пилигриму – демону-принцу и правой клешне Кхорна, лидеру Злобюкоста, который снова приведет последователей Кровавого Бога на древнюю Терру, и они закончат то, что начали. Жаждающий крови Умбрагг остановился, его цепные мечи, похожие на жала скорпиона, застыли в положении параллельно бокам. Его тело трясло, но не от страха, его примитивное сознание не включало в себя подобную эмоцию, страх испытывали его враги. Десантник Хаоса трясся от ярости. Его тело дрожало, как и пластины его брони. Повсюду, в городе, братья Умбрагга находили свою добычу. Он слышал болтерный огонь и рев секир. Он чувствовал смерти невинных славу, которую у него отнимали низшие по

положению Пожиратели Миров. Братья из банды Помазанных, Багрового Завета и Сынов Скалатракса убивали и находили свою смерть в городе, утопающим в реках крови. Как и предыдущие миры на пути Злобкоста, мир-кладбище пал быстро и с минимальными потерями. Вся ноша по захвату этих миров ложилась на плечи избранных богами Пожирателей Миров. Они были жертвами своего собственного ошеломительного успеха. Именно поэтому Пилигрим вел их за собой. Лишь хорошо укрепленные миры сегментума Соляр и сама Терра смогли достойно принять вызов слуг Кхорна. Однако, ангелы Императора были все еще живы, и этот факт наполнял плоть Умбрагга неконтролируемой яростью и желанием. Шавки ложного Императора должны быть уничтожены, но они должны умереть от руки Умбрагга. Только он достоин такой жертвы.

Его инстинкты убийцы увели его подальше от хаоса и разрушений, в лабиринт улиц на холмистом квартале, уже охваченном пламенем. Кровь, пролитая недавно, стекала с деревьев. Гвардейцы с устаревшим вооружением, облаченные в жалкие остатки церемониальной формы, были разбросаны по сточным канавам. Легкая добыча. Умбрагг почувствовал слабое сердцебиение умирающего неподалеку чертусийца. Безумный раб-воин, обнаженный и покрытый кровью с ног до головы, вырвался из аллеи и бросился по мостовой, размахивая утыканной гвоздями дубиной и вышиб мозги из тела гвардейца. Десантник Хаоса наслаждался моментом, но тут же почувствовал пустоту в своей груди, которую должна была заполнить радость от убийства героев. Не утруждая себя активированием секиры, Пожиратель Миров просто расплющил культиста весом оружия.

Выходец с дикого мира умер мгновенно. Его сердце тут же остановилось. В отличие от Адептус Астартес, свисавшего с металлической рамы обгоревшего здания. Его лицо было черным от крови и воздействия жара пламени. Броня десантника была покорежена и помята. Одна рука отсутствовала. Дырки от болтов испещряли практически всю поверхность пластин брони. На наплечнике оторванной секирой руки красовалась эмблема Ордена. Сдиратели. Умбрагг фыркнул. Выродки Дорна. Его извращенный разум стал придумывать способы глумления, но мгновения спустя эти мысли исчезли из его головы. Он был здесь не для того, чтобы наблюдать за последствиями резни. Он чувствовал взор Кровавого Бога, недовольного тем, что Умбрагг напрасно тратит свое время. Здесь, вдали от разрушений, принесенных Злобкостом.

Внутри Умбрагга росло негодование. Он почувствовал бешенный бой чьих-то сердец. За древней стеной горели здания, и толпы одержимых смертных, вместе с его бронированными собратьями и демонами, чинили хаос и разрушения. Среди смрада могил Умбрагг уловил запах пота, исходящий от смертных. Тысячи жителей были скрыты от посторонних глаз. словно хищник, почуявший аромат свежих жертв, Умбрагг изо всех сил сжал рукояти своих секир, он жаждал добраться до жертв, скрытых от него, его кровь вскипала от ярости, от того, что его попытались надуть.

Пожиратель не заметил призрака, стоявшего позади него. Из уличного смога возник силуэт, который превратился в бронированную фигуру. Фантом обрел форму. Умбрагг так и не увидел ужас пластин, усеянных костями, и призрачное пламя, танцевавшее по краям керамики. Он никогда не увидит лицевую пластину проклятого легионера, возникшую прямо над его плечом, и неестественное пламя в глазницах фантома. Все, что услышал берсеркер, было жужжанием зубцов, прежде чем проклятое лезвие короткого меча легионера вонзилось в бронированную шею Пожирателя Миров. Пройдя сквозь пластину, лезвие разрезало бронзовую плоть Умбрагга и добралось до кости. Секиры выпали из рук десантника Хаоса. Пожиратель Миров рухнул на

землю всей тяжестью доспехов и ненависти. Его убийца растворился в дымке смога и эфира. Умбрагг Бронзовая Плоть, Пожиратель Миров, предатель, серийный убийца и чемпион Кхорна испустил последний вздох. Печально известный монстр и воин-тиран умер в одиночестве, бесславной смертью, его отравленные варпом сердца перестали биться на улицах, настолько незначительных для Империиума, что никто даже не дал им названия.

Захария Керш не имел ни малейшего представления, что творилось на улицах внизу. Труп-капитан стоял на краю крыши, его ботинки крошили плитку под ногами. Сдиратели благополучно отступили из монастыря, попав из усыпальниц на крышу, разрушив стены кулаками и мечами. С балконов, на расстоянии выстрела из пистолета, они наблюдали как смолк «Каратель».

Доблестная боевая машина сделала всю грязную работу за десять сверхлюдей, разрывая на части исполинов, орды культистов и демонов. Но Пожиратели Миров в конце концов добрались до «Громобоя». Но это стоило им жизней немалого количества братьев, изрешеченных математически просчитанными очередями. Монастырь превратился в одно большое месиво из керамики и плоти, отказывающейся умирать. Пожиратели Миров прорвались к позиции, занимаемой «Карателем», ведомые яростью и разочарованием. Десантники предательского легиона, привлеченные ревом битвы и смрадом смерти, повисшем в воздухе, пробирались по телам своих раненных братьев, чтобы поскорее добраться до резни. Остальные банды вымещали свою злость на стенах строения, кроша старые кирпичные блоки своими молотами, секирами и плечами. Именно тогда ангелы из Багрового Завета проникли в усыпальницу и оказались в слепой зоне орудия. Предатели расправились с «Карателем», изрубив его бронированный корпус и механизм подачи боеприпасов своими цепными секирами.

Керш спрыгнул с края домицилии на мезонин башни-обсециума, за ним последовал Мелмох, его лицо было бледным как ад, когда он пробил окно своей силовой косой и забрался внутрь. Нова, все еще сжимая стяг роты, помог спуститься тяжело раненному капеллану. Керш перехватил Шадрата в том месте, где Пожиратель Миров оставил глубокую рану своей цепной секирой, и помог ему перебраться через окно. Эпистолярый продолжил пробивать себе путь вверх. Стоя рядом с Новой и Скейсом, Керш рискнул бросить взгляд на улицу. Снизу раздался рев. Он увидел огромное количество безумных маньяков. Главные улицы и боковые дороги были наводнены культистами, Пожирателями Миров и десанниками-предателями из отступнических Орденов. Демонические сущности следовали за ними, карабкаясь по стенам.

Обсека превратилась в карнавал безумия. Церкви, часовни и трапезные были объаты пламенем, освещая некроплекс, наводненный океаном еретиков и культистов Хаоса. В ночном небе неожиданно промелькнула вспышка выстрела из лэнс-орудия, хотя Кершу было известно только о оборонительном корабле Адептус Министорум «Апотеоне».

- Труп-капитан! – позвал Нова, приглашая Кнута следовать за ним к башне. Каждая крыша шпиля была очередной возможностью забраться выше. Каждая веранда и портик требовали сверхчеловеческих прыжков. Горгульи на стенах, дренажные трубопроводы и каменные помосты помогали Сдирателям забираться выше по направлению к крыше мавзолея Умберто Второго.

Пока Адептус Астартес огибали купола, бежали вдоль апексов, карабкались по стенам и

подпоркам мостов, адепты Злобокоста, визжа, следовали за ними по мощеным улочкам и лестничным пролетам. Карабкавшихся солдат –рабов встречали ботинки и лезвия Скейса и Керша. С демонами ситуация обстояла сложнее, эпистолярный Мелмох уничтожал шпили и галереи, не давая рогатым вестникам Кровавого Бога добраться до Сдирателей.

Огромная стая крылатых фурий нарезала круги над Мавзолеем, вынуждая космических десантников искать укрытие в нишах или пригибаться, чтобы не оказаться в зоне поражения крыльев и когтей. Мириады монстров врезались в башни и пробивали себе путь сквозь колокольни и люнеты. Керш увидел, как несколько тварей рухнули вниз, сбитые огнем лаз-ружей. Кнут с ужасом осознал, что один из скаутов Кетураха, пользуясь укрытием, продолжал держать оборону против бесчисленных орд врага. Вглядевшись в черепичную кровлю медного цвета, труп-капитан увидел, как группа демонов, приземлившись на крышу монастыря, аккуратно влезает в амбразуру. Сдиратель понял, как Злобокост боролся с угрозой снайперского огня десятой роты. Поднимаясь вверх по лестнице, Керш заметил вспышку в районе колокола. Взрыв гранаты, предположил Кнут, забрал в ад снайпера и несколько демонов, их горящие остатки попадали на землю внизу. Остановившись, Керш уперся лбом в холодный металл и прошептал молитву благодарности за жертву брата. Почувствовав боль внизу живота, труп-капитан осознал сколько раз он произносил эту молитву в течение Длинной Ночи после начала Злобокоста.

Достигнув верхнего края лестницы, Керш спрыгнул на каменное покрытие ближайшей часовни и взобрался на ее мокрую крышу. Здесь он стал ждать своих братьев и стаю демонов, носящихся по крышам.

- Капеллан! – взревел плетью Скейс, когда израненное тело Шадрата было сорвано с лестницы.

Это было неожиданно и шокирующее, даже для воинов Адептус Астартес. Кнут наблюдал, как тело капеллана Сдирателей уносят в ночное небо, и демоны перебрасывают его из пасти в пасть. Шадрат все еще сопротивлялся, но его крозиус арканум упал на одну из улиц внизу, отскочив от металлической лестницы.

- Продолжать движение! – приказал Кнут остальным Сдирателям, наблюдавшим за исчезновением Шадрата.

Стараясь не упасть и сражаясь с атакующими их демонами одними короткими мечами, десантники не имели ни малейшего представления, что происходило на улицах города. Среди пустых стен часовен, храмов и в крытых переходах мясников разрубали на куски, но не их собратья.

Пожирателей Миров из Нарушивших Клятвы заманили к окруженным колоннами склепам за Подземельем Превосходства Святости, где призрачные фантомы охотились на бронированных исполинов, забирая их жизни одну за другой, значительно сокращая количество десантников Хаоса.

Слорак Неумирающий не оправдал своего прозвища, когда, всадив целый магазин в объятую

пламенем призрака, он не смог избежать удара по черепу, расколовшего его на две половинки.

Братья-берсеркеры из Кровавого Шторма испустили животный рев и бросились на две бронированные тени на углу Площади Безмятежности. Пожиратели Миров были полностью уверены, что это – группа Сдирателей. Их безумная ярость привела к тому, что оба нанесли себе ранения своими же секирами, не причинив никакого вреда воинам-теням. Адамантовые зубцы просто прошли сквозь них, словно сквозь туман. Позже, солдаты-рабы обнаружили изрубленные тела адептов Кровавого Шторма, разбросанные в центре площади.

Технодесантник Тезгавайн, скорее напоминавший кусок плоти нанизанный на механические конечности, чем сверхчеловека, пришел в неописуемую ярость обнаружив призрачные сигнатуры среди статуй Имперских святых на Аллее Девяти Печалей. Превратив статуи в обломки, Тезгавайн уперся в священные скульптуры Корвуса Сабина, где его поджидала связка призрачных гранат. Хотя гранаты и были окружены призрачной аурой, последствия взрыва были полнее реальны, оставив от технодесантника-предателя лишь ошметки плоти и металла.

Увешанные черепами Кроносийские Повелители Войны просто исчезли, оказавшись на пути демонического машины Падающая Клешня, охотившейся за Алептус Астартес, замеченных в квартале Виатиций. Лорд Драккар, кровавый чемпион ангел-предатель из банды садистов Рассвет Беспредела, был поджарен с сотней своих последователей, известных как Успокаивающие. Выжившие культисты сообщали о молчаливых воинах в черной броне, которые окружили лорда Хаоса и его садистов и испепелили их из огнеметов. Пока призрачные крестоносцы вырезали Пожирателей Миров и демонов, Керш и его Сдиратели достигли Мемориального Мавзолея.

Проскользнув под крышу кельи, кроша черепицу бронированными ботинками, Адептус Астартес достигли приюта Святого Алозиона. Балконы личных апартаментов смотрели прямо на величественную архитектуру Мавзолея, между женскими и мужскими покоями виднелся узкий проход. Спустившись на самый верхний балкон, Керш повел свой отряд, перепрыгивая с одного портика на другой. В некоторые из них десантники просто врезались, другие – перескакивали. Спуск был далеко не идеален, но десантники не могли терять ни секунды, пока город наводняли культисты Злобокоста.

Керш преодолел последние несколько этажей и, соскользнув на булыжную мостовую, помчался к дверям Мемориального Мавзолея Умберто Второго. Брат Нова следовал прямо за ним, крепко сжимая стяг Ордена, изможденный Мелмох следовал за ним, Скейс замыкал процессию. Аллеи-артерии и главные улицы выплеснули толпу культистов прямо перед Мавзолеем. Сдиратели вновь слышали рев, тысячи глаз были прикованы к ним. Керш почувствовал холод в районе позвоночника. Ему не нравилось убегать от такого жалкого противника, но количество хаосистов было столь огромным, что даже четверым десанникам не удастся закрыть ворота мавзолея, если они не окажутся там первыми.

Труп-капитан перепрыгнул через несколько мотоциклов, выставленных в идеальный ряд вокруг Мавзолея, пока их владельцы выполняли задачи снайперов. Мелмох снова воспользовался своими уничтожающими силами, чтобы отбросить противника. Несколько убийственных дуг отделилось от его силовой косы. Энергия превратила авангард в кровавую кашу. Смерть

чувствовалась по всюду, словно что-то, до чего можно было коснуться. Эпистолярный Сдирателей издал яростный рев и послал вторую волну разрывающей тела энергии.

Керш оказался внутри. Нова последовал за ним, оба десантника уперлись ранцами в алмазную поверхность массивной двери. Скейс пронесся мимо Мелмоха и проскользнул в сужающееся пространство входа. Упершись в дверь, как Керш и Нова, Скейс заорал на библию.

- Мелмох, внутрь, сейчас!

Сдиратель, словно молния, влетел внутрь. Но это был не Мелмох, а плеть отделения Ишмаил.

- Ишмаил... - начал Скейс, но слова застряли в горле десантника.

Опершись на кончики своей силовой клешни, Ишмаил взглянул на Скейса.

Его лицо полностью утратило благородные черты выходца с Эскар, а красные глаза горели ненавистью. Его голова представляла собой разветвленную сеть набухших вен и артерий, наполненных кровью и тьмой. Ишмаил превратился в животное. Животное, которое хотело убивать.

Оба сдирателя приняли боевую стойку на холодном мраморном полу Мавзолея. Ишмаил бросился на своего бывшего брата, размахивая силовыми когтями. Скейс аккуратно отражал лезвия клешни, стараясь не давать Ишмаилу полностью воспользоваться преимуществом его оружия. Схватив запястье одержимого Сдирателя, главная плеть развернул его и всадил гладиус прямо в ладонь Ишмаила. Бывший Сдиратель, не обращая внимания на боль, оттолкнул Скейса и сделал замах правой перчаткой в сторону силового ранца главной плети.

Безоружный берсерк ожидал, что его бывший командир отступит и продолжил наносить удары своей второй клешней. К моменту, когда он сфокусировал свои красные глаза на Скейсе, тот ринулся в контратаку. Главная плеть впечатал подошву ботинка в грудь Ишмаила, выведя того из равновесия и отшвырнув к двери.

С другой стороны, давя всей своей массой, напирал Злобость, море культивистов-берсеркеров жаждало принести Адептуса Астареса в жертву своему Кровавому Богу. Кнут и брат Нова продолжали давить на дверь, кроша ботинками мрамор. Ишмаил бросил взгляд на своих братьев. Нова стоял ближе всех. Он и стал первой жертвой. Ишмаил крутанулся и вонзил когти в знаменосца. Стяг упал на землю, а следом за ним – брат Нова. Керш тут же почувствовал эффект от убийства – толпа за дверью усилила давление. Татуированному пчеловоду удалось просунуть свое тощее, вымазанное кровью, тело в отверстие, из которого тут же повылезало множество рук. Пчеловод заорал во всю глотку, оповещая о своем триумфе, но Ишмаил заткнул его ударом в голову, разможив мозг культивиста. Избавившись от препятствия, одержимый Сдиратель вновь набросился на своих бывших братьев. Скейс встретил одержимого кровью Ишмаила, а Керш попытался достать гладиус. Ишмаил зашипел на обоих Сдирателей, его инстинкт убийцы разрывался между двумя целями.

Поток энергии ударил в берсеркера, отбросив его через весь вестибюль к стене Мавзолея. Ишмаил был опутан энергетическими нитями и пытался вырваться, словно загнанный зверь. Мелмох ввалился внутрь. Библиарий стоял на коленях, орошенный кровью культистов. Проскользнув под потоком энергии варпа, Скейс присоединился к своему труп-капитану. Удвоив усилия, Сдиратели, наконец-то, смогли закрыть дверь. Пока Скейс держал дверь, Керш привел в действие механизм запечатывания двери с помощью тяжелой адамантовой балки. Энергия варпа танцевала на пластинах Ишмаила, заставляя засохшую кровь дымиться. Объединив свою ненависть к псайкеру с неестественными способностями, одержимый десантник стал сопротивляться обжигающему потоку. Лицо Мелмоха исказилось от усилий, прилагаемых им для контроля энергии потустороннего мира, вырывавшейся из его силовой косы. Из глаз Ишмаила пошла кровь, а ноздри раздувались от напряжения. Чистая ненависть выдавливала острые зубы плети отделения из десен, словно вырастающие клыки. Вены и артерии покрыли всю поверхность его кожи, и Сдиратель издал устрашающий рев. Ишмаил взорвался. Осколки керамики разлетелись во все стороны, врезаясь в поверхность двери и застревая в камне стены и пола. Кровь Ишмаила покрыла весь вестибюль и Сдирателей, находящихся внутри.

Когда все закончилось, Керш заметил, что Мелмох все еще стоит на коленях. Голова библиария была опущена, а сам он опирался на свое разрушительное оружие. Труп-капитан и его главная плеть сели на влажный пол, прислонившись к металлической поверхности двери, позади брата Новы. Керш попытался обнаружить признаки жизни у павшего Сдирателя, но знаменосец был мертв. Ишмаил прикончил его.

Молотьба продолжалась. Злобость продолжал прокладывать себе дорогу из трупов. И на его пути оставалась лишь горстка Сдирателей. Поэтому все слуги Кровавого Бога стремились добраться до них, чтобы принести оставшиеся черепа в жертву своему темному повелителю. Керш мог представить цунами кулаков, ботинок, оружия и голов, бьющееся о поверхность огромной двери. Кошмарное видение посетило его разум: убийственное желание солдат-рабов, культистов, Астартес-отступников, демонов и Пожирателей Миров найти путь внутрь.

Палатина Сапфира и понтифик сообщили Кершу, что эта огромная дверь – единственный вход в мемориальную гробницу, и труп-капитан верил им. Его не беспокоил подвал. Снаружи Мавзолей был окружен огневыми точками с амбразурами и отверстиями для стрельбы из болтеров, которыми пользовались сестры из Августейшей Стражи, чтобы охранять останки Умберто Второго от разбойных рейдов и народных волнений. Но ни палатина Сапфира, ни архитектор здания не могли предположить масштабы противника, с которым придется столкнуться защитникам Цертус-минор. Стены были крепкими, и Керш был почти уверен в прочности двери, но Сдиратель понимал, что последователи Кровавого Бога, рано или поздно, смогут пробраться внутрь через амбразуры на верхних этажах.

Взгляд Керша упал на знамя пятой роты, все еще зажатое в перчатке Новы. Скейс также смотрел на покрытый кровью стяг. Оба Сдирателя переглянулись, бросив друг на друга тяжелый взгляд. Подхватив знамя, Керш высвободил гладиус из хватки Новы и протянул его безоружному Скейсу.

- Мелмох, следи за дверью, - приказал Кнут, стараясь перекрыть гул тысячи ударов и бесчисленного количества воплей.

Все еще стоя на коленях и не поднимая головы, библиарий слабо поднял руку.

Керш побежал по мраморному полу вестибюля, огибая Священную Усыпальницу. Скейс с трудом поспевал за труп-капитаном. Когти Ишмаила пронзили ранец главной плети, повредив системы, отвечающие за подвижность доспеха. Энергия, подпитывавшая бронекостюм была на исходе, и керамит мертвым грузом повис на Сдирателе, значительно замедляя его передвижение.

Когда космические десантники пересекли открытое пространство Мавзолея, загробная красота здания осталась позади: затейливые свитки на стенах, надписи на плитах пола, отлитые серебром и увековечившие имена понтификов и кардиналов, поддерживающие балки крытых балконов и огромные колонны упирающиеся в потолок Мавзолея, каждая из них расписана вручную, передавая свершения Умберто Второго за всю его долгую и продуктивную жизнь. Свечи с ладаном горели на тысячи висячих подсвечниках, а строгие статуи еkkлезиархов, причисленных к лику святых, окружали обсидиановый склеп. Лифт, выполненный из серебра, использовался для доставки клериков и Адептус Сороритас в глубины склепа, к небольшому комплексу палат, запечатанных за толстой дверью.

Внутри, для показа и в целях частного паломничества, находились останки Умберто Второго, верховного еkkлезиарха Адептус Министорум и Верховного Лорда Терры. Внешнюю сторону усыпальницы обвивала лестница с мраморными ступенями и лестничными площадками с доступом к подземелью, стенным проходам и верхним этажам Мавзолея. Именно по этой лестнице и мчались Сдиратели. Скейс и Керш все еще отчетливо слышали гул снаружи, отражавшийся от потолка здания, и могли видеть стоящего на коленях Мелмоха.

- Что теперь?- рявкнул Скейс.

Керш не ответил, лишь периодически останавливался на пролетах, чтобы взглянуть на амбразуры и дожидаться Скейса. Керш остановился прямо перед дверью, отделявшую их от миссии систер, и бросил взгляд на творящийся снаружи хаос. С Мемориального Мавзолея открывалась лучшая панорама Обсеки. Столица мира-кладбища превратилась в руины, наполовину сгоревшие, наполовину – разрушенные, обгаренные кровью невинных, заполненные маньяками, предателями и тварями варпа.

- Керш! – позвал Скейс, с трудом переводя дух. – Что нам делать?

Кнут бросил на Сдирателя отстраненный взгляд. Он слышал, как Мелмох зовет его. Игнорируя обоих братьев, Керш вышиб дверь ударом ботинка. Пробежав мимо келий, Керш двинулся сквозь ризницу и придел Богоматери. Рядом с солиторией палатины Керш обнаружил то, что искал: оружейную миссии и вокс-передатчик.

- Возьмем все, что осталось в оружейной. Собери оружие и гранаты, - приказал Керш Скейсу, направившись настраивать вокс-канал.

Керш снова слышал зов Мелмоха.

- Зачем? – огрызнулся Скейс. – Все кончено.

Керш бросил наушник и навис над главной плетью.

- Я скажу тебе, когда все будет кончено!

Скейс смерил Кнута взглядом в котором читалось: без страха, без сожаления, без печали.

- Город потерян, - крикнул Скейс, - пятая – уничтожена. Слышишь это?

Главная плеть указал в сторону хаоса, творящегося снаружи.

- Они ворвутся, и когда это случится – как бы мы не сражались, какую бы честь не заслужили во славу примарха и лорда Катафалка – наша кровь будет принадлежать им. Они прикончат нас, а люди, которых ты поместил под землю – сгниют там...

Керш издал яростный рев, Скейс ответил.

- Труп-капитан! – позвал Мелмох.

Оба Сдирателя испепеляли друг друга взглядами. Керш бросил взгляд на Святую Усыпальницу и снова перевел его на Скейса.

- В сомнении нет бесчестия, - произнес Кнут. – Думаешь, у Катафалка не было сомнений, когда он сражался на стенах Имперского Дворца? Думаешь, Дорн не тяготился мыслями о туманном будущем, стоя над поверженным телом Императора?

- В сомнении нет бесчестия, - повторил Керш. – Все о чем задумывался примарх, задумывается магистр Ордена, боевой брат – это то, что мы оставим после себя. Мы – Сдиратели. Это – наше бремя. Это – наши ритуалы. Ритуалы для разума, духа и плоти. Война на износ. Победа – в превозмогании, и мы – превозмогаем.

Взгляд Скейса уперся в пол. Он медленно кивнул.

- Да, - произнес главная плеть, срывая заклепки перчаток и сбрасывая их на пол.

Вокс наполнился помехами, и через мгновение раздался тголот.

- ...прошу отзовитесь. Планетарный защитный монитор его Святейшества «Апотеон» вызывает Обсеку. Пятая рота Адептус Астартес Ордена Сдирателей... отзовитесь.

- «Апотеон», говорит труп-капитан пятой роты Захария Керш. Слушаю вас.

- Господин, мы пытаемся связаться с вами. Вмешательство...

- Слушай меня внимательно, смертный. У меня нет времени спрашивать дважды, - пророкотал Керш. - Я вижу, что вы все еще целы. Доложите ваш статус.

- Господин, есть кое-что, о чем я обязан вам...

- Смертный, поверь мне, что множество жизней, включая мою, зависят от твоих следующих слов. Ваш статус - вас взяли на abordaj?

- Говорит командор Хисс, - раздался женский голос. - Нас взяли на abordaj.

- У вас есть доступ к рулевому управлению и орудийным системам?

- Не надолго, господин. Внизу творится что-то необъяснимое, - ответила командор.

- Приготовьтесь еще к одной необъяснимой вещи, - произнес Керш, анализируя схемы и карты, висящие над вокс-передатчиком.

Он нажал несколько клавиш на панели вокс-передатчика.

- Я высылаю вам координаты. После их получения вы поймете, что цель находится в пределах Обсеки, снаружи Мемориального Мавзолея Умберто Второго, если быть точным.

- Господин...

- Вы нанесете орбитальный удар ровно через пятнадцать минут.

- Я не могу...

- Вы сможете, командор, и вы выполните приказ. Вы найдете в себе силы выполнить его. Проще говоря, я прошу вас уничтожить Мемориальный Мавзолей.

- И добрую часть города, - огрызнулась Хисс.

- Не берите в голову, - произнес Кнут. - В городе никого не осталось.

Керш взглянул на Скейса, стоящего в проеме входа. В одной руке ветеран держал мильтимелту, в другой – тяжелый болтер. Лишь сняв перчатки он мог держать оружие сестер своими огромными пальцами. Главная плеть согнулся под тяжестью топливного бака, связки гранат и боеприпасов калибром 1.00, свисавших с его поцарапанных плечевых пластин. Оба Сдирателя угрюмо взирали друг на друга.

- В сомнении нет бесчестия, командор. Нас оценивают по нашим поступкам. Пятнадцать минут, командор. Удачи. Конец связи.

Хисс попыталась возразить, но Керш обрубил связь.

- И это – твой план? – произнес Скейс, когда они возвращались обратно ко входу.

- Я не планирую оставаться здесь через пятнадцать минут, - ответил Керш, крепко сжимая знамя.

- Добраться до сюда стоило нам множество жизней, - произнес Скейс.

- И теперь враг там – где нам нужно.

- А что с людьми в подземелье.

- Подземелье глубоко, а двери – прочны. Оно выдержит. Если оно смогло пережить удар метеорита, оно переживет и бомбардировку.

- Ты не сможешь остановить Злобокост одним ударом.

- Нет, но это заставить этих ублюдков задуматься, пока мы благополучно отступим. Мне плевать, что они говорят о Злобокосте. Мы должны выжить. Эти люди внизу, они надеются на нас, надеются пережить все это.

- Почему? Ни одна планета не пережила Злобокост.

- Но все изменится, когда остальные узнают о выживших. Мы не остановим Злобокост, но кто-то – точно остановит, кто-то с надеждой в сердце, решимостью и верой – то, что есть у нас и дает нам надежду на выживание.

Когда Керш и главная плеть вернулись на лестницу, труп-капитан активировал вокс-передатчик шлема.

- Мелмох, мы уходим.

Керш ожидал протест, или, по крайней мере вопрос, но ничего не услышал в ответ. Взглянув за перила, Сдиратели обнаружили, что библиарий все еще стоит на коленях. От него, в разные стороны, текли кровавые потоки, создавая вокруг псайкера подобие бассейна.

- Мелмох! – крикнул Керш.

Какофония снаружи неожиданно стихла.

- Вместилище, именуемое Мелмохом – уже не твой человек, - раздался единый хор снаружи.

Мавзолей сотрясся от хора голосов.

- Его колдовская душонка будет гореть вечность в пламени ярости моего господина и плавиться в глубинах его желчи. Я – Пилигрим, Принц Боли и Правая Клешня Кхорна. Моя геномодифицированная плоть помнит уничтожение твоего вида на стенах Императорского Дворца, на далекой Терре, много жизней назад. Я хочу, чтобы оно вновь ощутило это.

Тело Мелмоха начало подниматься над кровавым бассейном. Ноги библиария превратились в копыта, из локтей повылезали адские клешни, отростки с красными сухожилиями и медными когтями. Броня Мелмоха превратилась в осколки, налипшие на разрастающееся тело демона. Стигмученик на наплечнике исчез в пламени и на его месте возник богохульный символ Пожирателей Миров. Череп эпистолярия поглотила пасть Пилигрима, возникшая из плеч и спины библиария, словно чудище океана. Из висков новой головы появились рога. Тварь молчала, распространяя флюиды ярости. С легкостью поддев огромными когтями ближайшую статую святого, Пилигрим швырнул ее в дверь Мавзолея. Камень, со сверхъестественной силой, врезался в металлическую поверхность. Дверь слетели со своих огромных петель, придавив группу солдат-рабов, чьи тела были тут же расплющены потоком культистов, ринувшихся внутрь.

Керш схватил связку гранат с плеча Скейса, пока Сдиратель заряжал тяжелый болтер. Отстегнув несколько, он бросил их на ступени лестницы, ведущие в подвал. Гранаты сдетонировали, разрушив первый пролет вместе с культистами, первыми добравшимися до ступеней.

Передернув затвор и уперев тяжелый болтер в перила, Скейс выпустил всю мощь оружия по бессчетным ордам. Пилигрим оторвал еще одну статую от земли и швырнул ее в Сдирателей. Скейс уклонился в сторону, а Керш пригнулся, когда статуя Святого Ваталиса врезалась в амбразуру за ними. Глядя вниз на тварь, использовавшей плоть Мелмоха, Керш понял каких опасностей, физических и духовных, старался избегать псайкер, находясь подальше от воздействия кометы. Опустив взгляд, Кнут задумался об урне, которую использовал Мелмох. Заряженные негативной энергией крупницы земли использовались сестрами для освещения храма Умберто Второго. Эпистолярый украл ценную реликвию из Мавзолея, и Керш намеревался вернуть ее обратно.

Схватив урну, Керш швырнул ее прямо в демонического Пожирателя Миров. Чаша врезалась в

рога Пилигрима, и содержимое высыпалось наружу, соприкоснувшись с плотью демона. Зверь взревел, негативно заряженная энергия не только разрушала его плоть, но и разрывала связь демона с реальностью.

- Умри, тварь, - рявкнул Керш, пока Скейс продолжал поливать культистов убийственным градом болтов.

Монстр Хаоса стал раздирать свою кожу и мускулы когтями, пытаясь избавиться от содержимого артефакта. Культисты издали вопль и набросились на монстра, протыкая его плоть лезвиями и зубами и царапая ногтями. Окружавшие их солдаты рабы, бросились на культистов, разрывая тех на части, и картина внизу превратилась в настоящую резню. Скейс сконцентрировал огневую мощь на входе, пока Кнут забрасывал последователей Кхорна гранатами.

Из усыпальницы раздался новый звук, громкость которого нарастала с каждой секундой. Словно группа деревьев одновременно гнулась и падала на землю. Труп-капитан различал звуки, похожие на щелканье, треск и расщепление. Внизу, в самом эпицентре резни, растерзанные тела умирающих и тех, кто их убил, сливались в один кровавый водоворот. Кости ломались и выходили из тел культистов, переплетаясь с костями и плотью других, перетекали в плоть демона. Пилигрим обретал новую форму. Питаясь душами своих подданных, монстр сопротивлялся агонии, вызванной артефактом Керша, и отказывался разрывать связь с реальностью. Чем больше последователей Кровавого Бога наводняло внутренности храма, тем больше становилась тварь. Обтянутый кожей череп Пилигрима снова обретал форму, как и его когти. Пока тварь становилась все больше и больше, возвышаясь над импровизированный алтарем из разрубленных тел, глаза Пилигрима мерцали белым светом ярости.

- Пошли! - крикнул Керш, схватив Скейса за плечо, но главная плеть скинул его руку, выпустив очередную волну болтов в гротескное тело Пилигрима.

- Этого не случится, - крикнул Скейс в промежутке между выстрелами.

Он указал пальцем за спину.

- Блок питания поврежден. Моя броня будет лишь тормозить нас.

- Мы прорвемся! - возразил труп-капитан.

- Ты прорвешься, - произнес Скейс, расстреливая избранного Кхорном. - Ты должен прорваться. Как ты и говорил: кто-то должен выжить.

Пока Пилигрим вырастал в размерах, Кнут последний раз взглянул на своего подчиненного. Скейс кивнул на знамя, зажатое в руке Керша.

- Береги его, - произнес он. - Я задержу их до начала светового шоу.

Кивнув, Керш наклонился стал заряжать мультимелту, активировав процесс смешивания горючих жидкостей в субмолекулярной реактивной камере оружия. Отсоединив пустую канистру, Кнут упер тяжелое оружие в перила. Не произнося ни слова, Скейс прекратил огонь и бросился к мультимелте. Шар энергии прошел сквозь тело ревущего Пилигрима, превратив часть его живой брони в расплавленный шлак. Держа патронташ в одной руке и стяг пятой - в другой, Керш покинул Скейса и прошел в проем в стене, образованный врезавшейся в нее статуей.

Двигаясь вдоль выступа, Кнут бросил взгляд вниз. Тьма внизу наполнилась движением, убийцы, привлеченные кровопролитием внутри Мавзолея, стремились поскорее стать частью этого действия. Небо над головой было на удивление спокойным. На низкой орбите Керш мог рассмотреть признаки уничтожения, корабли, которые он не мог разглядеть, неожиданно превращались в огненные шары. Пока Аптеон был занят наведением пушек на координаты, указанные Кершем, а флот был в нескольких световых годах от места бойни, тру-капитан мог только предположить вариант, когда капитаны кораблей Хаоса обратились друг против друга. Что не было редкостью среди дикий последователей Кровавого Бога.

Фурия с одним крылом устремила вниз, пытаясь впиться в Сдирателя своими акульными зубами. Когда она подлетела к Кершу, труп-капитан выбросил вперед руку со связкой гранат и ударил тварь по крылу, заставив ее отскочить с другой стороне здания. Сдиратель чувствовал, что теряет драгоценные секунды. Прицелившись он бросил связку на ничего не подозревавшую толпу внизу. Сжима стяг в руке, Керш спрыгнул с выступа. На мягкое приземление в огромной гробнице надеяться не приходилось. Столкнувшись с каменными балками, броня Кнута погнулась, в некоторых местах возникли царапины. Труп-капитан цеплялся за выступы и украшения, но опора была лишь временной, так как не могла выдержать вес брони Сдирателя несущейся вниз на большой скорости. Краска лоскутами слезала с брони, пока он скользил по стене строения.

На мгновение все вокруг стало белым, когда гранаты сдетонировали. Керш почувствовал замедление, когда куски плоти и интерьера взлетели вверх. Кнут обнаружил, что его слегка подбросило вверх, и он приземлился животом на вершину колонны. Труп-капитан, почувствовал, как внутри что-то сломалось. Удар, по крайней мере, значительно замедлил скорость его падения, скатившись, он преодолел еще несколько пролетов. Сделав вдох, Керш обнаружил, что обронил знамя. Когда он врезался в булыжники, в эпицентре взрыва, что-то вцепилось в его ногу. Жар агонии прошел по всей конечности. Поднявшись, Керш взглянул на рану. Керамит треснул в районе колена, как и кость, вылезшая наружу.

На лице десантника появилась гримаса боли. Кнут использовал древко знамени как опору, перенес вес с раненой ноги. Вытащив меч, Сдиратель крепко сжал рукоять в ладони. Взрыв не остался незамеченным, и сквозь пелену тумана, он увидел несколько теней, бегущих к нему. У Керша не было времени на стратегию. Прихрамывая, Сдиратель крамсал культивистов, прорываясь сквозь пелену пожара. Десантник Хаоса из Разжигателей Войны лишился половины головы, и перед тем как Пожиратель Миров успел нанести удар своим цепным мечом, Керш перехватил гладиус и всадил его в шлем предателя.

Стараясь двигаться со максимальной скоростью вдоль внешней стороны Мавзолея, Кнут обнаружил то, что искал: мотоциклы скаутов Кетураха. Они валялись на земле, поваленные ордой и взрывной волной. Убедившись, что два из них не годны для дальнейшей эксплуатации, Кнут поковылял к третьему. Подняв его, он перекинул свою раненную ногу через седло и включил двигатель. Он не ездил на мотоцикле со времен, когда он был неофитом, но память мгновенно вернулась к нему. Прочность и вес машины, толстые шины, мощь и удовлетворение от прикосновения к рулю почти заставили его забыть о раненной ноге.

Вставив древко знамени в пустой чехол для дробовика, Керш зажег фару мотоцикла. Но вместо одержимых солдат-рабов и отступников он обнаружил одинокую бронированную фигуру, стоящую среди тел. Его призрачный гость, дневной и ночной кошмар. Керш сфокусировал взгляд на безмолвном ангеле. Теперь Кнут понял природу фантома. Временами он думал, что это прогрессирующее воздействие Тьмы, или побочные эффекты операции Эзраки. Труп-капитан спрашивал себя, не сошел ли он с ума. Он слышал о подобных проявлениях сумасшествия. Среди псайкеров, провидцев и даже простых смертных, которые хоть раз переживали состояние обреченности. У верных слуги Адептуса Астра Телепатика с их картами таро или членами библиариума. Фантом являлся дурным предзнаменованием смерти, которую Керш видел на Цертус-Минор, конца Имперского мира, и предупреждением гибели братьев и смертей, которые последуют после.

Керш вытащил гладиус и положил лезвием на руль, прижав пальцами поверхность клинка. Фантом стоял и наблюдал за ним, его глаза мерцали призрачным светом.

- Убирайся с моего пути, - произнес Керш. - Я не буду тормозить.

Когда ублюдки Кхорна ринулись к Сдирателю, Кнут нажал на газ. Рванувшись вперед, Керш вылетел на открытое пространство. Набирая обороты, мотоцикл понесся прямо на призрачного космического десантника. Керш приготовился к столкновению. Раздался скрежет зубов фантома. Это было последнее, что услышал Сдиратель, прежде пройти сквозь призрак. Повернув голову, Кнут увидел, что фантом исчез, оставив после себя лишь струйку дыма.

Разгоняя двигатель, Керш вел мотоцикл отъезжая от слепой зоны, где плаза Мавзолея соединялась со спуском в амбулаторию. Ему повезло. Сдиратель узнал главную транспортную артерию «Виа Оссиум», Дорогу Костей. Хотя крытый переход окружали высокие стены зданий и аллеи, дорога была прямой и уходила вниз, и являлась церемониальным маршрутом от Мавзолея к Восточным Вратам Святого Бартоломея, выходящим к некроплексу.

На пути вниз, мотоцикл сбил несколько культистов. Еще несколько – лишились головы, попав под раму колес и огонь сдвоенных болтеров, установленных на руле. Мощенный проход проходил по склону, и несмотря на то, что был одной из самых широких улиц в городе, на деле представлял собой ограниченную, узкую дорогу. Кнут продолжал увеличивать скорость машины, в том числе и за счет силы тяжести. Керш удерживал ручки руля в прямом положении, даже когда колеса задевали конечности поверженных солдат-рабов и расколотые черепа.

Неожиданный взрыв заставил сердца Сдирателя похолодеть. Он выругался. На мгновение

Керш подумал, что «Апотеон» нанес удар слишком рано. Взрыв разнес часть монастыря вдоль Дороги Костей, подбросив тела культистов в воздух и вызвав град осколков кирпича. Борясь с желанием затормозить, Керш наехал на обломки, и мотоцикл подбросило в воздух. Объехав попавшиеся на пути камни, Кнут направил машину на группу дезориентированных демонопоклонников. Как и Сдиратель, воины-аколиты пытались понять, что вызвало взрыв. Раздавив группу культистов, Керш выехал на улицы, примыкавшие к Виа Оссиум, прояснившие ситуацию.

Взглянув на ночное небо, Кнут обнаружил кровавый след от кометы и группу огненных шаров. Что-то разрушительное произошло в небесах над городом, и труп-капитан мог лишь догадываться, было ли это результатом небольшой стычки или борьбой за добычу между кораблями Злобокоста. Тем не менее, шары, которые Керш принял за обломки, неслись к поверхности планеты. Огненный шторм добрался до некроплекса, и теперь осколки сыпались на израненный город.

Многие культисты были ослеплены мощным светом фар и не смогли увернуться от мотоцикла Адептуса Астартеса, летящего на летальной для них скорости. Остальные были умнее и попытались применить оружие или собственное тело, чтобы остановить Сдирателя. Пули и лучи градом посыпались на броню Кнута, пока мотоцикл пробивался сквозь лес клинков и другого оружия. Молоты и шипастые булавы врезались в его помятые наплечники, заставляя Сдирателя регулировать рукоять руля одной рукой и прижимать гладиус к рулю другой. Короткий меч не был идеальным оружием в таком положении, но некоторые атаки осуществлялись настолько близко, что это не имело значения. Продираясь через банды маньяков, колеса проскальзывали по крови и обломкам, а гладиус отделял конечности от тел. Периодически Керш использовал кулаки, кроша челюсти культистов.

Десантник Хаоса из Кровавого Шторма заметил Керша и встал у него на пути, прямо в центре прохода, держа обеими руками двуручный демонический клинок, мерцающий дьявольской энергией. Отступник принял атакующую позицию и воздел меч над своим уродливым шлемом. Кнут прищурил глаза и рискнул выбрать самое незначительное изменение курса. Сместившись влево, Керш перевел вес тела вправо так, что гладиус оказался на уровне колена хаосиста. Жаждающее крови лезвие понеслось навстречу Сдирателю, но мотоцикл ушел в сторону, и еретик, лишившись половины ноги, рухнул на землю.

Удаляясь все дальше от Мавзолея, Керш наблюдал удивительные вещи. Ангелов, охотящихся в тени улиц, переулков и аллей мира-кладбища. Не Сдиратели. Не предательские Пожиратели Миров. Не братья из Орденов-отступников и банд, занятых резней во имя Кровавого Бога. Сначала Керш решил, что снова видит своего призрака, но наблюдая за мясорубкой и призрачной пальбой, он понял, что фантом – не единственный представитель своего вида на этой планете. Его братья, похожие на ярость во плоти, выходили из теней и, с устрашающей эффективностью, уничтожали демонов и чемпионов Губительных сил Проклятые легионеры пылали эфирным огнем, их «костяная» броня являла собой кошмарную смесь тьмы и золотого пламени. Каждый их шаг демонстрировал бесстрашную целеустремленность. Там, где Пожиратели Миров с безумной яростью набрасывались на фантомов, проклятые легионеры крестоносцы встречали их со спокойным бесстрашием. Они двигались и убивали с непреклонной волей существ, знавших, что такое потерять жизнь. Их неестественное присутствие порождало страх в сердцах их врагов, чувство, которое они не испытывали ранее, тьму, которая пугала больше, чем агония смерти. Бездна и печальный финал

заставляли их жертвы бояться не конца своего существования, а того факта, что они все еще существуют.

Демонические вестники Кхорна охотились на фантомов в лабиринтах города, но эфирные воины сливались с тьмой и возникали за спинами кровопускателей, выступая в роли карательных отрядов. Пребывающие в панике демоны уничтожали город, бросаясь на испарявшиеся тени, их медные, покрытые коркой тела разрывались эфирными болтами, выпущенными из призрачных орудий и вылетающими в реальность, чтобы поразить тварей варпа. Призрачные Астартес нависли над гвардейцами-предателями и рабами, пытавшимися убить их перекрестным огнем, и раскалывали их черепа стволами и обоймами своего оружия, словно дубинами. Банды Пожирателей Миров и их кровавые чемпионы уничтожались огнем орудий. Их разрушающие броню секиры и смертоносные пистолеты были бесполезны против Легиона Проклятых, казавшемуся неубиваемым.

Демоны прыгали на Керша с крыш и стен строений, несколько сущностей попытались скинуть Адептуса Астартеса с седла, используя свои загнутые когти. Кнут стрелял из сдвоенных болтеров, прикрученных к рулю, очищая путь от культистской мрази. Женщина-воин попыталась убраться с его пути, но в итоге оказалась лицом к лицу со Сдирателем. Нажав на спусковой крючок Кнут разорвал солдата на части.

Пробираясь сквозь весь этот хаос, Кнут пропустил удар цепной секиры. Оружие врезалось в руку, прямо под наплечником, и кровь заструилась по его броне и мотоциклу. Оторвавшись от угрозы, Сдиратель почувствовал, как ослабла его хватка, и услышал глубокий рев болтеров, стрелявших в унисон. Болты, выпущенные из призрачного оружия, разорвали на части ренегата, орудовавшего секирой, и воинов культа асасинов, окружавших его.

Когда мотоцикл Керша вырвался из леса часовен и монастырей, попав в самый эпицентр разрушений в восточном квартале, на улице Святого Бартоломея-Восточного, небеса действительно пали. Оставляя след из сажи позади, в сожженном квартале, ранее разбомбленном «Импунитусом», Керш истекал кровью и наблюдал за объектом в небесах, явно не являющимся обломками корабля. Неестественные блоки кроваво-черного льда падали на город и некроплекс, словно снаряды артиллерийского орудия. Объезжая кратеры, образованные упавшими каменными обломками и экзотическими металлическими фрагментами, Керш заметил огромную гончую, неожиданно возникшую прямо за мотоциклом, намереваясь прокусить колесо своими клыками. Безуспешно отмахиваясь гладиусом, Керш попытался отбросить тварь к стенам брошенных строений.

Зверь также преодолевал препятствия, либо разрушал их своей костяной головой. Когда монстр чуть не откусил десантнику руку, Керш увел мотоцикл в сторону. На дороге, прямо перед мотоциклом Кнута возникла троица проклятых легионеров, направив болтеры прямо на Сдирателя. Керш инстинктивно прикрылся рукой. Не почувствовав попадание пуль в броню, он опустил руку, только чтобы снова вскинуть ее, когда его мотоцикл врезался в строй фантомов. Держа руку на рукояти руля, Керш рискнул бросить взгляд назад и обнаружил, что призраки исчезают, оставляя послед себя поверженное тело демона.

Расстреляв группу культистов, Кнут чуть было не вылетел из седла, наехав на обломки горящего приюта, разрушенного ударом метиорита. Внимание труп-капитана переместилось

на тварь, которой повезло меньше. Огромный великий демон-кровопускатель, ранее терроризировавший Сдирателей, был прижат к земле осколком льда, прошившим его насквозь. Керш поморщился, вспоминая смерть плети отделения Йоахима, и поблагодарил Императора за такую судьбу для демона.

Разогнав двигатель до максимальной скорости, Керш, наконец, заметил крытый проход на кладбище, означавший выход из города. Из разрушенной часовни выскочил Пожиратель Миров, отстреливаясь из своих болт-пистолетов, пока проклятый легионер не выступил из темноты алтаря, позади десантника Хаоса, и расстрелял его в упор, пробив ранец и грудную клетку.

Пожиратель Миров рухнул на дорогу, все еще пытаясь целиться в фантома. Когда Керш проехал мимо, раздались еще пару выстрелов. Мотоцикл Кнута вилял из стороны в сторону, а сам труп-капитан изрядно ослаб.

Огромный поток энергии врезался в город. На мгновение казалось, что время остановилось. Земля задрожала под колесами мотоцикла Керша. Когда на небе снова воцарилась тьма, показались обломки строений, разрушенных кольцом концентрированного уничтожения, распространявшегося по всему городу. Кнут пронесся сквозь открытый проход, уничтожение следовало прямо за ним, швыряя в воздух обломки, горящие тела, кровь и землю. Керш попытался избежать града осколков, вызванных разрушениями восточного квартала улицы Святого Бартоломея. Облако пыли не было помехой для мотоцикла, но помешало тяжело раненному Сдирателю заметить опасность впереди. Колеса мотоцикла, без предупреждения, оторвались от поверхности. Машина так и не соприкоснулась с поверхностью, из чего Керш сделал вывод, что ее просто нет. Несколько минут назад проход вибрировал от удара куска кометы, прежде чем превратиться в кратер.

Мотоцикл стал падать, переднее колесо так и не достигло противоположной стороны кратера. Машина врезалась в стену кратера, и Керш вылетел из седла, словно мусор. Врезаясь и отскакивая от поверхности дороги, на огромной скорости, Сдиратель был остановлен изысканно украшенной могилой плитой.

Полумертвый Кнут стер кровь с единственного глаза. Глубокая рана на лице продолжала кровоточить. Возможно, он потерял сознание, но даже если и так, то не помнил этого. Повернув шею, он почувствовал боль на затылке. Каждое движение приносило боль, но у Керша не было выбора. Он находился в некроплексе, и опасность была повсюду. Обсека лежала в руинах. Огромный купол крыши Мемориального Мавзолея Умберто Второго превратился в гору обломков. Множество центральных храмов и соборов было стерто с лица мира-кладбища, но большая часть города не сильно пострадала, хотя и подверглась шторму горящих осколков. Обугленные последователи Кровавого Бога, отказывавшиеся умирать, все еще пытались следовать своим инстинктам убийц, несмотря на то, что их тела превратились в поджаренную смесь костей и мяса. Проклятые легионеры, бесстрастные и нематериальные, охотились за ублюдками, безжалостно уничтожая тех, кто выжил после взрыва. Взрыв никак не повлиял на фантомов, даже те призрачные Ангелы, кто оказался прямо в эпицентре взрыва, продолжали нести возмездие на головы еретиков.

Керш, хромая, с трудом передвигался вдоль прохода на кладбище, рядом с землями,

оккупированными демонами. Он потерял знамя и свой меч во время падения. Достав свой запасной гладиус, он продолжил ковылять вперед. Истекая кровью и с трудом держа меч раненой рукой, Керш приготовился к скорой смерти.

Уничтожающий поток с небес не прекращался. Куски льда, проложившие себе путь сквозь флотилию Злобокоста, разрывали суда надвое и уничтожали группы рейдерских и пиратских кораблей. Валуны и огромные, кровавые варп-осколки падали на могильники, убивая одержимых, возвращая сущностей варпа обратно в глубины имматериума, разрывая на куски самых яростных воинов Кхорна, чемпионов и мясников. Пожиратели Миров грозили небесам своими секирами и мечами и тут же падали, сраженные раскаленными добела металлическими штырями, обрушившимися на них, словно кара свыше.

Керш шагал дальше, с каждым шагом теряя все больше и больше крови. Демонический вестник, сидевший на одном из надгробий, пригнулся и прыгнул на Кнута. Керш помнил лишь, как выставил гладиус перед собой. Находясь на грани обморока, Сдиратель обнаружил, что тело демона лежит прямо у него под ногами. Легионер-предатель ринулся на труп-капитана, размахивая оружием и издавая боевой рык, но болт свалил его наповал. Хищник варпа спикировал на десантника, но также нашел быструю смерть, не долетев до цели. Замутненные глаза Керша могли различать лишь какие-то движения во мраке. Он слышал, как орды одержимых дерутся друг с другом. Демоны – с демонами, сводя давние счеты. Единственные, кого он видел четко и ясно – были воины Легиона Проклятых, окруженные аурой пламени. Проклятые легионеры двигались среди могил словно армия призраков, сражаясь с Губительными Силами, казня одержимых и принося конец врагам Императора.

Несколько раз Кнут падал и поднимался, но, упав четвертый раз, он так и остался лежать в грязи. Пока холод пробирался к телу Сдирателя сквозь щели его доспехов, Керш обнаружил, что лежит рядом с могилой, голова упиралась в надгробие. Он сжимал отполированный гладиус к груди и ждал смерти. В небесах, усеянных звездами, все еще виднелись горящие обломки судов Злобокоста. Они сыпались на землю, словно дождь, стирая с лица земли слуг Хаоса, чьи глаза были прикованы к ночному небу. На мгновение Кершу показалось, что он видит судно. Сначала он подумал, что это очередные обломки, несущиеся на город, становясь все больше и больше по мере приближения к поверхности. Но по движениям и артиллерийскому огню пушек корабля, труп-капитан понял, что корабль находится на высокой орбите и сбивает суда армады Хаоса. Несколько мгновений Кнут наблюдал за зрелищем, с земли корабль был похож на сияющую Имперскую аквилу, парящую в небесах. Он моргнул, убеждая себя, что это всего лишь галлюцинации, возникшие в результате повреждения его черепа. Должно быть, корабль был колоссальным по своим размерам.

На мгновение Керш закрыл залитые кровью глаза. Открыв их снова, он обнаружил закованного в броню фантома, стоявшего над ним. Проклятый легионер светился эфирным сиянием. Он смотрел на Кнута сквозь трещина на его шлеме, в глазницах его черепа виднелись языки варп-пламени. Он не произнес ни слова. В своей перчатке цвета полночи он держал боевое знамя пятой роты Ордена Сдирателей. Воткнув стяг в землю, позади могилы, фантом позволил орошенному кровью полотнищу развиваться на ветру. В другой руке, между двумя костяными пальцами, он держал что-то еще. Проклятый легионер кинул предмет на грудную пластину брони Кнута и побрел обратно в сумрак, оставляя Кершу на поле боя. Одного.

Мистериум Фидэи.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/668644>